

реживание опыта войны приводит Н. А. Бердяева, А. А. Керсновского и И. А. Ильина к переосмыслению сущности войны в контексте христианской этики, в рамках которой вера может стать проводником к моральному обновлению человека, принятию персональной ответственности за насилие и совершаемые убийства и оправданию актов зла. Война не является злом, но именно на войне проявляется зло, с которым необходимо бороться человеку для сохранения духовности в мире, в истинном плане выражая свою свободу воли и служа Богу.

Глава 3

КОНЦЕПЦИЯ «ХРИСТОЛЮБИВОГО ВОИНСТВА»¹

Для православной армии крайне важно иметь в своем духовном арсенале этические концепты, которые обладают для солдата неопровержимой очевидностью и вместе с тем силой мотивации. Это необходимо, потому что православная армия, вооруженная такими принципами, многократно более эффективна, чем любой противник. Но если таких принципов и концептов нет или они работают не в полную силу, результаты войны оказываются плачевными. Наиболее ярким примером такой ситуации являются итоги Русско-японской войны 1905–1904 гг. Почему та война в этическом отношении оказалась одной из наиболее сложных для русской императорской армии, речь пойдет ниже.

Богословское содержание концепции «христолюбивого воинства» опиралось на несколько оснований. Среди них прямое цитирование Священного Писания и трудов святоотеческой традиции, элементы нравственного богословия и публичный дискурс ярких проповедников. Среди ключевых вопросов, от ответа на которые зависела работоспособность указанной концепции, следует назвать такой: как военная служба и война, как ее высшее выражение соотносятся с идеалами христианской любви к ближнему и проповедью Христа?

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

Опора на Священное Писание не давала возможности полностью ответить на данный вопрос для определенной категории людей — для военных. Богослову и просто верующему человеку достаточно отсылка к Евангелиям. Военному же (как и искушенному критику-пацифисту) нужны более действенные доводы. Известный библейский сюжет рассказывает нам о воинах и мытарях, приходивших к Иоанну Крестителю. И волновало их одно: могут ли они спасти свою душу, не оставляя службы? Может ли сама принадлежность к данному роду занятий стать препятствием для спасения? Иоанн не приказал им бросить оружие или уйти из армии, но обратился к ним с такими словами: «Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк. 3:14). Евангелие содержит несколько эпизодов общения с Христом римских легионеров. Речь идет о римском офицере из Капернаума, о котором Христос сказал: «Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел я такой веры» (Мф. 8:5–10); о небезызвестном Лонгине, который стоял на голгофской страже у Креста Христова и в час Его смерти исповедал веру свою в Спасителя, воскликнув: «Воистину Он был Сын Божий!» (Мф. 27:54) и др. Но все эти случаи для обычного солдата-христианина не отвечают на вопрос: что мне делать в бою, когда идет выбор убивать или не убивать врага?

Данная проблема относится скорее к сфере нравственного богословия и ожидается, что в рамках нее может быть решена. Однако, по словам одного из видных русских богословов и историков церкви начала XX в. А. А. Бронзова, «в истекшем XIX-м столетии Нравственное Богословие у нас в России имело, по-видимому, судьбу совсем незавидную, а если исключить немногие отдельные ее моменты, являющиеся, бесспорно, привлекательными оазисами на общем пустынном фоне, то как будто и совсем грустную, печальную».¹ При этом следует учесть, что

¹ Бронзов А. А. Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1901. С. 4.

нравственное богословие занимается вопросами оснований поступка человека, его поведения в любых обстоятельствах, а не только на войне. Поэтому неутешительную оценку следует еще более усугубить в отношении разработки в рамках нравственного богословия проблемы поступка на войне. Одной из первых работ данного направления была брошюра 1813 г. протоиерея Иакова Воскресенского «Нравоучение для благородных воспитанниц Общества благородных девиц и Института ордена св. Екатерины». Несмотря на предельно далекое от проблемы войны название этой книги, в ней ставятся и в доступной форме разрешаются некоторые интересующие нас проблемы. Так, И. И. Воскресенский рассуждает об обязанностях («должностях») человека перед Богом, другими людьми и самим собой. Одной из обязанностей человека перед Богом является сохранение своего здоровья и жизни. «Здоровье, равно как и жизнь, есть неоцененный дар Божий; следовательно небрежение об оном есть неблагодарность».¹ Из этого следуют правила: «Храни жизнь твою со всевозможным тщанием...» и «Пекися о соблюдении здоровья...».² Противоречие с армейской мирной и военной реальностью (которая отнюдь не способствует сохранению здоровья и жизни) разрешается через введение принципа иерархии принципов нравственности. Общественное благо ставится выше блага индивидуального («каждый из подданных имеет долг, благоденствие общее предпочитать личному...»)³. Поэтому, например, в обязанности государя «для отвращения от подданных гибельных следствий войны...» входит «составлять из подданных войско...».⁴

¹ Воскресенский И. И. Нравоучение для благородных воспитанниц Общества благородных девиц и Института ордена св. Екатерины. Ч. 1–4. СПб.: При 1-м Кадетском корпусе, 1813. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 166–167.

Логика подобных умозаключений исходит из тезиса, что сам по себе человек без общества не может полностью развить себя как личность, не сможет находиться в состоянии мира и спокойствия и быть защищенным от внешних посягательств. А общество, в свою очередь, без единой воли не сможет гармонично развиваться. Воплощением единой воли общества и государства является православный государь. Армия необходима государю для реализации общественных интересов, поэтому ее существование и, главное, применение не является нарушением божественных установлений. И. И. Воскресенский также говорит, что солдаты «быть довольны своими оброками...; воздерживаться от бесчеловечных поступков с неприятелями и еще более соотчиками и союзниками...; сносить с охотою и неутюжимо трудности для защиты Отечества...; не вдаваться безрассудно в опасности, и по небрежению или трусости оных не бегать...; быть храбрыми противу неприятелей, а не против сограждан...; честную смерть предпочитать безчестному бегству и жизни».¹ Последний пункт особенно примечателен. Перед солдатом ставится непростая задача — определить, какая смерть будет честной, а какая нет. Особенно в свете правила про безрассудство. В реальной боевой ситуации у человека есть несколько мгновений, чтобы принять самое важное решение в своей жизни. И подготовкой к нему нужно начинать заниматься задолго до самой ситуации выбора. Показательно, что эти идеи появились даже в издании, целевой аудиторией которого должны были быть молодые девушки. По мысли автора, все они являются будущими матерями, которые должны воспитать достойных защитников Отечества.

Дальнейшее развитие данная проблематика получила в период Крымской войны 1853–1856 гг. Нравственное богословие вновь обратилось к теме войны. Так, например, Василий Борисович Бажа-

¹ Там же. С. 177–178.

нов, протопресвитер и с 1849 г. обер-священник Главного Штаба гвардейского и гренадерского корпусов, в своей работе 1859 г. «Обязанности государя» писал следующее: «Заботясь о внутреннем благоустройстве своего государства, Государь должен также ограждать и внешнюю безопасность его миролюбивыми сношениями с другими государствами, в случае же необходимости защищать его силою оружия. Но как эта необходимость есть самая жестокая для сердца Царя-Христианина; то Он должен стараться ревностным, сугубым попечением о внутреннем благоустройстве и постоянной готовности к войне предотвращать все неприятельные нападения и покушения отвне».¹ При этом он должен не «предпринимать без крайней нужды войны, всегда разорительной для государства».²

Таким образом, к середине XIX в. в рамках нравственного богословия, с опорой на Священное Писание и другие тексты, окончательно сформировался один из элементов концепции «христолобивого воинства» — акцент на ключевой роли государя и государства в нравственном выборе на войне, который делает православный воин. Верность государю практически равноценна верности Богу. Поэтому выполнение приказа на войне, даже требующего совершения греховного акта причинения насилия или смерти, является допустимым, так как такова воля государя, наместника Бога на Земле.

Третьим столпом данной концепции стало ее использование в публичном информационном пространстве. Теоретические или направленные на узкую аудиторию произведения еще не делают идею работоспособной для большого числа людей, особенно солдат и офицеров. Не будем же мы всерьез ждать, что офицер в своем нравственном выборе на войне будет ориентироваться на брошюру для моло-

¹ Бажанов А. А. Обязанности государя. СПб.: Синодальная типография, 1859. С. 10–11.

² Там же. С. 5.

дых девушек. Этический принцип должен быть донесен до сердца каждого солдата и офицера армии, быть ими понят и воспринят как основа для волевого акта. Необходима широкая практика произнесения этой идеи вслух значимыми и уважаемыми для военных слушателей людьми. Была необходимость проповеди концепции «христолюбивого воинства». Не случайно создателями этой концепции считаются духовные лица, которые ее активно проповедовали. Прежде всего, мы говорим о святителе Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. Как раз таки он в период Крымской войны обращался к своей пастве с речами, которые позднее были опубликованы под общим названием «Слова по случаю общественных бедствий». Для понимания того, как развивалась концепция «христолюбивого воинства», необходимо проанализировать курс этих «Слов...».

Практически все проповеди Иннокентия строились в единой логике. Вначале он подчеркивает прямую связь власти православного государя с Божественной волей: «Прежде всего возблагодарим Монарха нашего за то, что он, среди обошедших царства и народы злоклучений, возлагает упование свое не на могущество земное, как им ни ущедрена свыше Россия, а на Бога Всемогущего и Всеблагого».¹

За всеми положенными формальными словами просматривается второй важный элемент концепции «христолюбивого воинства», а именно обращение к истории: «Каких бед и ударов не перенесло возлюбленное Отечество наше? И из всех их вышло светлее и могущественнее прежнего...»² Эта мысль красной линией проходит через большинство речей святителя Иннокентия. Кроме этого он подчеркивает важную миссию России, ее ключевую роль

¹ Сочинения Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического. 2-е изд. Т. III. СПб.: Издание книгопродавца И. А. Тузова, 1908. С. 292.

² Там же.

для всего мира, которую она сыграет в будущем: «Не Россия ли, если даст Господь, послужит и в будущем к обузданию адского духа безначалия, от коего мнутятся теперь царства и народы?»¹ Таким образом, слушатель оказывается между двумя историческими «жерновами» — прошлым, наполненным разными бедствиями, которые, однако, послужили делу укрепления России, и будущим, наполненным великими свершениями, в которых России отводится ключевая роль. «Настоящее» сужается до предела и теряет важность, следовательно, теряет важность и сама жизнь человека, его сиюминутное «сейчас», чем облегчается его нравственный выбор в пользу жертвенности в ситуации опасности: «Важно посему не то, что происходит теперь, а то, с кем теперь Господь: с нами или с врагами нашими».²

В проповеди концепции «христолюбивого воинства» необходимо постоянное обращение к славной истории. Во время войны особенно актуальны примеры успешных для государства войн прошлого. Для периода Крымской войны таким примером была Отечественная война 1812 г. При этом для усиления эффекта от обращения к истории часто подчеркивается символизм происходящего сейчас, его параллели с прошлым. «Кто не помнит 1812 год? Тогда колебался не один какой-либо край, как теперь колеблется ваш, а сотрясалась от конца до конца вся Россия; самое сердце ее, Москва, было в руках врага; многим потому казалось, что уже все потеряно; а между тем, вскоре оказалось, что держава Русская цела и несокрушима; сокрушились только, несмотря на их силу, искусство и успехи, полчища врагов, и исчезли как призрак. Подобное тому, даст Господь, последует и теперь! Ибо приметили ль вы, в какой день враги появились на земле нашей? В тот самый день, в который вошли они некогда в Москву, как бы в предвестие, что в Крыму их ожидает

¹ Там же. С. 295.

² Там же. С. 308.

та же горькая участь, коей подверглись они по занятии первопрестольной столицы нашей».¹ В этом же «Слове...» Иннокентия впервые звучит само словосочетание — «христоролюбивое воинство», которое наполнено глубоким богословским смыслом. Суть его в том, что войско земное тесно связано с «войском» небесным, так как святые, праведники и другие уже умершие люди, связанные при жизни с Россией, продолжают заступаться за нашу страну перед лицом Господа. Поэтому «если мы любим искренно свое Отечество, то небожители тем паче не могут забыть его и не предстательствовать за него у Господа».² То есть сила «христоролюбивого воинства» в том, что в едином строю стоят как люди ныне живущие, так и умершие святые и праведники. При этом у врага нет такой поддержки: «А за успех врагов наших кто может стать и ходатайствовать на небе?»³ Другой чертой «христоролюбивого воинства» является его нетерпимость к противникам истинной веры. Это именно воинство, армия — инструмент для истребления врага. «Поспешите, возлюбленные, прославиться — славой чистой и святой, употребив все силы и средства, все искусство и умение ваше на содействие и помощь христоролюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всех концов России на защиту страны вашей, в порыве святой ревности, ожидает как праздника того дня и часа, когда можно будет, не щадя своей крови и живота — за Царя и Отечество — ринуться победоносно на толпы богопротивных иноплеменников».⁴

Выкованная в горниле неудачной для России Крымской войны концепция «христоролюбивого воинства» прошла проверку в следующей крупной войне в данном регионе — Русско-турецкой 1877–1878 гг. К этому времени основные элементы этой

¹ Там же С. 329–330.

² Там же. С. 332.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 335.

концепции заняли прочное место в этическом арсенале русской армии. Однако без видоизменений они остаться не смогли. В рамках данной войны несколько раз происходила трансформация структуры этического осмысления военных событий, субъектами которого были как простые солдаты и офицеры, так и все русское общество. Структура начала формироваться незадолго до начала войны благодаря широкому мировому общественному резонансу, который получили события 1876 г., когда Турция крайне жестоко подавила болгарское восстание за независимость. Для России «болгарский вопрос» был актуален и до этого. Подробности же подавления восстания 1876 г. впервые определили информационную повестку, которая была интересна для широких слоев русского общества. Когда в Молдавии началась концентрация Дунайской армии, начал формироваться и ответ на вопрос: «что мы здесь делаем?». Содержание ответа определялось тем обстоятельством, что русские военнослужащие за редким исключением не располагали реальной информацией о событиях в Турции. Армия на всех уровнях слышала только то, что была готова услышать — о зверствах турок в отношении болгар. Поэтому задача освобождения единоверцев от гнета силой оружия наполнена глубоким этическим содержанием. Однако практически сразу после начала войны это содержание серьезно трансформировалось. Довоенное представление об отношениях турок и болгар было деформировано столкновением с реальностью войны. Произошло столкновение двух ожиданий — ожиданий русских солдат и офицеров относительно реакции болгар на начало войны и ожиданий самих болгар, которые ждали «своего царства» и желательно прямо сейчас. В обоих случаях ожидания носили «черно-белый» характер («болгары хорошие, турки плохие» и «русские не любят турок, русские любят болгар»). Реальность оказалась намного сложнее. Русская армия слабо ориентировалась в сложнейшем этническом составе

региона и тех, веками складывавшихся, отношениях между болгарским и турецким населением. Многие же болгары полагали, что русская армия самым фактом своего прибытия в конкретное место автоматически устанавливает там власть болгар. Так, например, учитель Димитр Душанов вспоминает, как его грубо обругал граф Роникер, комендант города Казанлык, когда Душанов пришел просить заступиться за местных турок, которые подверглись насилию со стороны болгар и русских солдат. Граф кричал: «Не вы ли стонали от турок и так, что в такую даль заставили ехать сюда и нас».¹ Известный русский военный корреспондент В. В. Крестовский с разочарованием описывал непрерывную войну между христианским и мусульманским населением. Причем кто был пострадавшей стороной, установить невозможно, потому что «если попадетс христианам где-нибудь в стороне от большой дороги деревня турецкая, то ее также ожидает участь пожара и разрома в отместку за истребление христианских селений».² Такое же разочарование описывал и другой корреспондент той войны, В. И. Немирович-Данченко: «В прошлом письме я сообщал вам о зверствах, совершенных турками над болгарами. В этом я должен упомянуть о недостойном поведении болгар, обирающих теперь турок в свою очередь. Братушки положительно занялись денным грабежом».³

Вторая трансформация этического осмысления войны началась на стадии *post bellum*. Основное направление этой трансформации можно выразить тезисом «и все-таки мы не зря начали эту войну».

¹ Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. Сборник воспоминаний. М.: Яуза-пресс, 2017. С. 185.

² *Крестовский В. В.* Набег генерала Струкова. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1878. С. 52.

³ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (Дневник русского корреспондента) 1877–1878: В 2 т. Т. II. СПб.: Тип. В. Лихачева и А. Суворина, 1878. С. 217.

Факты войны изменить было невозможно, но в рамках целенаправленной политики памяти можно было придать фактам новое, например ироничное и даже комичное, звучание. На первый план выдвигались подвиги, совершенные на войне. События негативного содержания затушевывались (активизация насилия среди мирного населения разных национальностей и религий) или высмеивались (коррупция чиновников и командования, воровство поставщиков и т. д.). Однако костяк концепции «христоролюбивого воинства» оставался неизменным.

Серьезный кризис этой концепции произошел в период Русско-японской войны. Эта война являлась уникальным для Российской империи военным конфликтом с точки зрения конфессионального аспекта. В XIX в. практически все войны Россия вела против христианских или мусульманских государств. Большую роль в официальной пропаганде при этом играла религиозная тема. Католики, протестанты, мусульмане или просто атеисты были очень удобным противником для разыгрывания религиозной карты в пропаганде. Во многом благодаря этому в главной этической доктрине русской армии в XIX в. — концепции «христоролюбивого воинства» — одним из трех важных элементов была нетерпимость к противникам истинной веры. Война с Японией во многом отличается в этом отношении. Православие и религиозные традиции Японии настолько не похожи друг на друга, что их невозможно расположить на одной оси координат, где на одном полюсе находилось бы православие, а на другом — «противники истинной веры». С точки зрения ряда исследователей, это даже открывало для России хорошие возможности для проповеди православия в Японии. Деятельность одного из самых талантливых проповедников XIX в. Святителя Николая Японского — яркое тому доказательство. У России также не было богатого исторического опыта войн с государствами азиатских вероисповеданий, следовательно, было невозможно использовать второй

из основных элементов концепции христолюбивого воинства — обращение к исторической памяти. Да и сами русские войска, задействованные в войне, не были монолитно православными. Уже в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. большой процент армии составляли мусульманские части и солдаты-евреи. Но общий тон пропаганды был пронизан идеей помощи братьям по вере, православным болгарам. Очевидно, что в случае с Японией отношение к войне со стороны армии и населения должно было существенно измениться. Должен был измениться и сам православный военный этос армии.

При исследовании русской армии в период Русско-японской войны прежде всего следует отметить ее поликонфессиональность. Можно выделить как минимум шесть конфессиональных групп среди солдат — православные, католики, протестанты, буддисты, мусульмане и иудеи. Офицерский корпус был более монолитным в плане вероисповедания, так как военнослужащие не православной веры не допускались к экзамену на офицерский чин и даже национальными частями (мусульманскими) командовали русские офицеры. Открытым остается вопрос о подлинном вероисповедании так называемых «выкрестов» — солдат и офицеров, перешедших в православие во время военной службы. Исследование показало, что в специфических условиях войны или плена может происходить возвращение к исконной религии в масштабе отдельной личности и малой социальной группы. Особенно это актуально для военнослужащих еврейского происхождения, в отношении которых с начала XIX в. проводилась жесткая политика православного «перевоспитания» в армии. Поэтому мы можем говорить в основном о личностном уровне взаимодействия православного военного этоса с иными религиозными традициями, так как иноверцы практически не формировали крупных групп внутри воинских частей из-за религиозной и национальной квоты.

Но даже в условиях применения данной квоты (которая часто нарушалась при пополнении кадровых частей резервистами), многие национально-религиозные группы формировали устойчивые микро-коллективы в составе подразделений. Так, например, резервисты из западных губерний (протестанты и католики) всегда держались обособленно, демонстрировали низкую мотивацию сражаться, хотя отличались более высокой общей дисциплиной. Эти так называемые «курлябчики» (от топонима «Курляндия») часто выступали примером высокой морали в быту для православных солдат, но не «рвались в бой».¹

Другое дело, когда однородные по конфессиональному признаку группы солдат русской армии формировались искусственно. Прежде всего, речь идет о военнопленных. Опыт содержания военнопленных и даже инфраструктура («приюты» для пленных) остались у Японии со времен Японо-китайской войны. Практика по организации содержания военнопленных была специфична в отношении пленных разных национальностей и вероисповеданий. Особенности этой практики, в частности в деле реализации прав военнопленных на свободу вероисповедания можно проиллюстрировать на примере иудеев, в отношении которых в русской армии, как мы упоминали выше, проводилось православное «перевоспитание». Согласно «Еврейской энциклопедии Брогауза и Ефрона», информация которой восходит к данным Бюро по военнопленным при японском Военном министерстве, пленных евреев было всего 1739, т. е. примерно 2,5 % от всего числа пленных.² Несмотря на относительную

¹ Воронович Н. В. Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952. С. 13.

² Познер С. Армия в России // Еврейская энциклопедия. СПб.: Общество для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз — Ефрон, 1908–1913. Т. 3. С. 169–170.

малочисленность неправославных пленных, Япония предоставляла им все условия для отправления религиозного культа. Японское руководство всячески шло навстречу просьбам евреев, касающихся национальных и религиозных вопросов. Это касалось организации богослужения, празднования важных религиозных дат и погребения умерших.¹ Даже на современных фотографиях кладбищ русских военнопленных в Японии видны могилы евреев, которые располагались на определенном расстоянии от могил иноверцев. В отличие от православных, иудейские обряды совершались самими военнопленными из тех, кто знал все тонкости обрядности и традиций или делал что-то подобное в России. И здесь можно отметить эффект мозаики, когда, находясь в плену, солдаты-евреи по крупицам восстанавливали национальный и религиозный быт по принципу «кто что помнит или знает».

Причину таких лояльных условий содержания в плену следует искать в японской пропагандистской политике того периода. Например, Такэси Сакон в своей статье пишет, что «Япония как страна, вступающая в державу модернизированных, цивилизованных западных государств, ограничивала себя всеми силами в рамках международных соглашений о войне».² Но дело было не только в этом. Согласно недавним исследованиям в период войны японская разведка предпринимала разнообразные шаги по организации внутри Российской Империи революционных выступлений. Ставка при этом делалась не только на политические партии, находя-

¹ *Kotlerman B.* Between Loyalty to the Empire and National Self-Consciousness: Joseph Trumpeldor among Jewish Russian POWs in Japan (1905) // *Asia Japan Journal*. 2014. N 9. P. 39–49.

² *Сакон Т.* Военнопленные в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // *Окно в Японию*. E-mail бюллетень Общества «Россия-Япония». № 07. 17.02.2002. URL: <http://ru-jp.org/sakon.htm> (дата обращения: 20.03.2022).

щиеся в оппозиции или подполье, но и на националистические движения.¹

В аспекте реализации пропаганды и информационной политики в русской армии следует отметить, что эта деятельность была во многом противоречивой. В зависимости от адресата подчас декларировались противоположные идеи. Общим местом официальной пропаганды был упор на геополитический контекст конфликта. В отличие от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было невозможно использовать идею помощи братьям по вере и насыщать пропагандистский дискурс религиозной риторикой. Из основных элементов концепции христолюбивого воинства, которая была основой военного этоса русской армии, более или менее работоспособной оставалась лишь идея верности православному монарху. Но ее акцентирование привело к полярным чувствам в масштабе отдельных людей — от чувства стыда за политику царя и его окружения до чувства единения с царем в контексте совместно переживаемых бед. Показательным в этом отношении является статья 1906 г. под названием «Мнение непросвещенного и неграмотного мужика», записанная со слов крестьянина Воронежской губернии, в которой автор, рассуждая об изменениях в политическом строе России, подчеркивает преимущества царя перед демократическими институтами власти. Он говорит буквально следующее: «Нелишним считать нужно и то, что переживал наш русский государь тяжелые годы по случаю войны России с Японией».²

¹ *Павлов Д. Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 173–262.

² Статья крестьянина Воронежской губернии Павловского уезда села Журавли Слепушкина Степана Гавриловича «Мнение непросвещенного и неграмотного мужика» (об учреждении и выборах в Государственную Думу,

Через средства официальной пропаганды активно транслировалась информация о положительном отношении властей и командования армии к добровольцам. Это делалось для повышения мотивации армии и поднятия патриотических настроений в обществе. Однако личные реакции на это были очень полярными. Для молодых добровольцев важной была возможность быстрого карьерного роста. После первых неудач армии их настроение быстро упало и все активнее декларировались идеи разочарования. Это настроение значительно усилилось после Цусимской катастрофы: «Стоило ли ради этого жертвовать карьерой и отказываться от тех преимуществ, которыми будут пользоваться наши, оставшиеся в Петербурге товарищи?»¹ Более старшее поколение добровольцев, которые возвращались в действующую армию на офицерские должности, следовали иным этическим ценностям и даже считали, что государству не следует всячески поддерживать добровольцев, чтобы исключить попадание в армию случайных людей: «Человек, стремившийся на войну ради выполнения великой заповеди положить душу за други свои, даже бедный, нашел бы несколько сот рублей для своего снаряжения».²

Таким образом, русская официальная пропаганда в период Русско-японской войны была ограничена в своих инструментах. Так как «русская армия не могла быть воодушевлена идеей национальной войны»³ и, соответственно, концепция «христоролюбивого воинства» оказывалась мало пригодной для

формирования основы военного этиоса русской армии, приходилось подчеркивать геополитические корни конфликта. Подобная риторика оставалась непонятной для армейской массы, как солдат, так и большинства офицеров. Это привело к формированию часто диаметрально противоположных этических взглядов на собственную роль в этой войне. Разнообразие варьировалось от идеи заработка и карьерного роста до желания положить жизнь «за други своя».

Дополнительную сложность этой ситуации придавали конфессиональные особенности конфликта. Православие было официальной религией русской армии, но солдаты и офицеры других вероисповеданий составляли значительное число в определенных частях и подразделениях. Особенно это касалось кадрированных частей, которые были пополнены до штатной численности уже в ходе войны. Очень часто они получали резервистов из западных губерний, которые в массе своей не были православными и даже плохо знали русский язык. Иноверцы вносили свой вклад в формирование этиоса русской армии, но в различных аспектах. Протестанты и католики демонстрировали высокий морально-бытовой уровень, были дисциплинированы, но обладали очень низкой мотивацией сражаться. Солдаты еврейского происхождения, «выкресты» и оставшиеся в иудаизме, часто демонстрировали личную храбрость в бою и использовались в качестве примера для сослуживцев.

о событиях 1905 г., русско-японской войне). URL: <https://www.prlib.ru/item/389788> (дата обращения: 19.03.2022).

¹ *Воронович Н. В.* Русско-японская война. Воспоминания. С. 43.

² *Дружинин К. И.* Воспоминания о Русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца. СПб.: Русская скоропечатня, 1909. С. 28–29.

³ Там же. С. 22.